

Можно ли говорить О ГРЕХОПАДЕНИИ НАУКИ?*

Столярова Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: olgastoliarova@mail.ru

В статье анализируется пессимистическая позиция в отношении науки, которая заключается в том, что сегодняшняя наука регрессирует, будучи вовлеченной в прикладные исследования. Показывается, что пессимизм в отношении сегодняшней науки питается формально-логическим позитивистским образом науки, который не соответствует реальной научной практике. Показывается, что постпозитивистские социально-исторические исследования науки свидетельствуют в пользу того, что наука никогда не была «чистой». Эта точка зрения позволяет реабилитировать технику и связанную с ней науку и пересмотреть пессимистические прогнозы.

Ключевые слова: наука, научный прогресс, истина, техника, технонаука

CAN WE TALK ABOUT THE FALL OF SCIENCE?

Olga E. Stoliarova – PhD in Philosophy, researcher. Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”. 1/36 Lyalin lane, bd. 2, 105062, Moscow, Russian Federation; e-mail: olgastoliarova@mail.ru

The article analyzes the pessimistic scenario in relation to science, which characterizes contemporary science as regressing. It is shown that pessimism in relation to contemporary science is largely based on the formal-logical positivist image of science, which does not correspond to real scientific practice. It is shown, that postpositivist studies of science testifies in favor of the fact that science has never been “pure”. This approach allows us to rehabilitate technoscience and revise the pessimistic scenario.

Keywords: science, scientific progress, truth, technology, technoscience

А.Л. Никифоров, опираясь на размышления о науке таких философов и ученых, как А. Пуанкаре, Э. Мах, М. Вебер, К. Поппер, приходит к выводу, что сегодняшняя наука не соответствует тому ее величественному образу, который нарисовали эти мыслители. Автор полагает, что в этом упадке повинна так называемая *технонаука*, т. е. сращение научных исследований с техникой, экономикой, политикой. Технонаука уводит ученых от бескорыстного поиска истины и превращает их в наемных работников, которые обслуживают потребности власти и бизнеса [Антоновский, Бараш, 2018].

Идея чистой науки, *теории*, устремленной в горние сферы, не причастной ничему телесному, земному, восходит еще к Платону.

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 19–18–00494 «Миссия учебного в современном мире: наука как профессия и призвание».

Платон считал, что человеческая душа (разум) принадлежит трансцендентному миру. Платон ставил умозрение вневременных истин трансцендентного мира неизмеримо выше практического знания, ориентированного на сиюминутную пользу мира материального. И если рассматривать таковое умозрение как высший идеал, то отпадение от него является, конечно, упадком.

Однако А.Л. Никифоров не причислил бы себя к платоникам. Его вдохновляет наука, которая изучает не трансцендентный мир неподвижных идей, а, напротив, окружающий нас материальный мир – движение земных и небесных тел, состав воздуха, электромагнитное поле и т. д. Именно в этой науке, математическом естествознании, автор находит идеальное знание, которое служит истине, а не угождает сомнительным потребностям. А поскольку эта наука является *естествознанием*, т. е. она исследует естественный, природный, а не сверхъестественный мир, корни ее следует искать там же – в природном мире. Автор согласен с Махом в том, что наука вырастает на практической почве на начальных стадиях развития человечества, а затем отрывается от породившего ее лона и начинает жить собственной жизнью, познавая природу из любви к истине, реализуя платоновский идеал знания ради знания. Автор берет в союзники также Пуанкаре, который утверждает, что природа прекрасна, поэтому познание ее доставляет ученому чистое наслаждение, и речь о приобретении практической пользы здесь не идет.

В высказанной автором точке зрения прослеживается двойственная позиция позитивизма в отношении науки. С одной стороны, позитивистская философия науки ориентирована на положительное знание, т. е. знание прежде всего чувственное, которое можно подтвердить зрительными, слуховыми и прочими ощущениями. С накоплением такого знания позитивисты связывают научный прогресс. Когда наука отделилась от философии (метафизики), она ступила на твердую почву опыта и верифицируемого знания и двинулась по более-менее прямой дороге научных открытий. Именно чувственный, телесный характер новой науки обеспечил ее успех. В этом ее отличие от спекулятивного знания и разнообразных форм философского идеализма и метафизики, для которых несоответствие знания фактам – это проблема фактов. Если бы мы вместе с Платоном избегали земного и телесного, то от новой науки ничего бы не осталось. Мы изучали бы, например, астрономию, как рекомендовал Платон, исходя из «общих положений», а то, что на небе, «оставили бы в стороне». Нас же в отличие от Платона интересует зрительное, чувственное, восприятие «неба», для чего мы создаем и совершенствуем сложнейшую аппаратуру, расширяющую наше зрительное восприятие.

Но, с другой стороны, само позитивистское выделение чувственного (опытного) знания в качестве приоритетного и универсального

(доступного формальному описанию), в качестве наивысшего достижения природы и культуры человечества, покинувшего некогда животный мир, нуждается в обосновании. Интрига же состоит в том, что такое обоснование невозможно найти в опыте. Пусть человек является биологической сущностью среди других биологических сущностей и разделяет вместе с ними потребность выживания посредством приспособления к среде обитания. Пусть он, коллективный человек, в какой-то момент выделяется из природной среды и приобретает способность к отвлеченным от естественных потребностей занятиям, наивысшим из которых является опытная наука (математическое естествознание). Тогда именно в этом важнейшем пункте освобождения от природы и от всепоглощающей необходимости приспособления к ней следует искать обоснование науки. Это обоснование в таком случае должно опытным путем подтвердить (верифицировать) исторический разрыв между животным миром и человеком как носителем духовной культуры, конструктором идеальных языковых форм, главной из которых является формализованная естественно-научная теория. Если бы таковое обоснование было достигнуто, то мы могли бы говорить о том, что мы верифицировали сам принцип верифицируемости, который обеспечивает соответствие формального языка науки опытным данным. Тогда мы могли бы согласиться с (нео)позитивистами в том, что наука представляет собой логическую машину для перевода чувственных данных в систему формальных утверждений. Тогда у нас были бы основания говорить о «чистой» науке, изучающей истинно прекрасное – гармонию природы и выражающей эту гармонию на подобающем ей языке логики и математики, что и составляет научный метод, который возвышается как неприступный остров в бурном потоке социальных перипетий. Точнее, *возвышался* до недавнего времени, пока его не захлестнули мутные волны экономических, политических, технических преобразований, питаемых далеко не возвышенными интересами. Тогда мы вместе с А.Л. Никифоровым могли бы горевать о том, что подлинная наука умирает, не выдержав натиска того, что она сама же изучает и отчасти создает, – натиска природы и общества.

Но, к счастью или к сожалению, доказать приоритет естественно-научного метода над иными формами культуры, апеллируя к естественно-научному методу, оказалось невозможно. Закономерный крах позитивистских идеализаций науки вызвал к жизни противоположное движение мысли, а именно исторические и социальные исследования науки, которые не стремились оградить науку от влияния общества, но подчеркивали ее вовлеченность в культуру и общественные отношения. Примечательно, что значительная часть этих исследований и исследователей сознательно ориентировалась на естественно-научную методологию, на эмпирические методы наблюдения и описания.

Они это делали для того, чтобы воздать науке ее должное, изучать ее так, как она того заслуживает, т. е. средствами самой эмпирической науки. Они выступали против непоследовательности тех, кто, расположившись в герметичном «кресле философа», призывает в свидетели опыт.

Эти исследования принесли немало любопытных открытий. Среди них – убедительные свидетельства в пользу того, что наука не только решала на протяжении всей своей нововременной истории и технические, и социальные задачи, но и заимствовала свои объекты и средства их изучения из так называемой второй природы – технологически и социально опосредованной реальности. Опытная наука никогда не была и не могла быть «чистой» потому, что ей никогда не противостояла «чистая» природа. Если «грехопадение» науки когда-либо совершилось, то оно совершилось вместе с «грехопадением» человечества, т. е. тогда, когда человек покинул условный Эдем и занялся возделыванием природы, переводя окружающий мир в формы своей жизнедеятельности. Если же допустить, что человеку познающему противостоит не «чистая» природа, а те или иные исторические формы культуры, то нужно признать, что нынешнее состояние науки как *технонауки* не является ни порочным, ни регрессивным. Оно представляет собой усложнение тех связей и отношений между природой и обществом, которые исходно в ней (науке) присутствовали.

Но для описания и оценки *такой* науки не годится зауженно понимаемый эмпиризм, характерный для позитивизма. К стати сказать, многие представители социальных и исторических исследований науки (назовем их *постпозитивистскими*) обращаются к традиции марксизма (неомарксизма), которая в свою очередь восходит к диалектике немецкой классической философии. И это неслучайно. В этой традиции идеальный язык и метод науки предстают перед нами в своем телесном воплощении, в виде развивающихся конкретно-исторических (экономических, социальных, технических и т. п.) форм культуры. Один из ярких представителей этой традиции Э.В. Ильенков пишет: «Несомненно, что “идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений, в своем “чистом виде” выявляется и фиксируется только в исторически сложившихся формах духовной культуры, в социально значимых формах своего выражения (своего “существования”), а не в виде “мимолетных состояний психики отдельной личности”» [Ильенков, 1979, с. 131].

Какую оценку мы, исходя из постпозитивистской перспективы, могли бы дать привязке науки к технике? Можно согласиться с Пуанкаре в том, что «машины полезны потому, что, работая на нас, они некогда оставят нам больше времени для научных занятий». Однако существует опасность, что из господина и бенефициара техники

человек превратится в ее раба. Машины не только освобождают, но и поработают. Если техника не оправдывает наших ожиданий в смысле высвобождения досуга, который мы могли бы посвятить прекрасному (науке), значит, она представляет собой веберовскую «железную клетку», из которой не видно звезд. Но между эссенциалистским восхвалением техники и технофобией существует промежуточный путь. Этот путь под влиянием той же, критической по отношению к позитивизму, диалектической традиции избирает прагматически ориентированная философия техники. Она говорит о не-нейтральности техники, рассматривая ее в качестве структурного элемента жизненного мира. Так понятая техника приобретает ценностное, эмоциональное, коммуникативное измерение, она интерпретируется как продолжение телесной организации человека, как условие воплощения человеческого мышления и, в частности, научного мышления [Dreyfus, 1972]. Можно сказать, что так понятая техника представляет собой условие возможности науки, но не в смысле того, что она дает человеку досуг, освобождая человека от телесных потребностей и общественных связей. Она, напротив, способствует включенности человека в природу и общество, позволяя конструировать новые объекты и новые средства их познания, материализовать «возможные миры», создавать «зоны обмена» [Касавин, 2017]. Она пробуждает нашу природную любознательность. Поэтому нам не стоит порицать науку, привязанную к технике.

Список литературы

Антоновский, Бараш, 2018 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 2. С. 18–33.

Ильенков, 1979 – Ильенков Э.В. Проблема идеального. Ч. 1 // *Вопр. философии*. 1979. № 6. С. 128–140.

Касавин, 2017 – Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.

Dreyfus, 1972 – Dreyfus H. *What Computers Can't Do. A Critique of Artificial Reason*. N. Y.: Harper & Row, 1972. 252 pp.

References

Antonovski, A.Yu. & Barash, R. E. *Radikalnaya nauka. Sposobny li uchenye na obshchestvennyy protest?* [Radical Science. Are the Scientists Capable of Social Protest?], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 18–33. (In Russian).

Dreyfus, H. *What Computers Can't Do. A Critique of Artificial Reason*. New York: Harper & Row, 1972, 252 pp.

Ilyenkov, E. "Problema ideal'nogo" [The Problem of the Ideal. Part 1.], *Voprosy filosofii*, 1979, no. 6, pp. 128–140. (In Russian)

Kasavin, I.T. "Zony obmena kak predmet sotsialnoy filosofii nauki" [Trading Zones as a Subject-Matter of Social Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 8–17. (In Russian)